

Научная статья  
УДК 94  
doi: 10.17223/15617793/512/14

## «Отец монахов»: основания духовного авторитета настоятеля в вестготских монастырях VII в.

Елена Сергеевна Марей<sup>1, 2</sup>

<sup>1</sup> Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

<sup>2</sup> Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия  
<sup>1, 2</sup> elena.fontis@gmail.com

**Аннотация.** Рассматривается статус и функции аббата в монастырях раннесредневековой Испании VII в. Источниками статьи стали три устава вестготского времени и Пакт. Показано, что исключительная власть аббата над послушниками объяснялась его особым духовным статусом: именно он должен был заботиться о спасении душ братии. Поэтому авторы уставов предъявляют к аббату жесткие моральные требования, но в то же время наделяют его властью контролировать быт и поведение монахов, а также наказывать провинившихся вплоть до отлучения.

**Ключевые слова:** Толедское королевство, монашеские правила, история церкви, Исидор Севильский, Фруктуоз Брагский, «Общий устав»

**Источник финансирования:** исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00723, <https://rscf.ru/project/23-28-00723/>. Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

**Для цитирования:** Марей Е.С. «Отец монахов»: основания духовного авторитета настоятеля в вестготских монастырях VII в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 127–136. doi: 10.17223/15617793/512/14

Original article  
doi: 10.17223/15617793/512/14

## "Father of the monks": Sources of the spiritual authority of the abbot in Visigothic monasteries in the 7th century

Elena S. Marey<sup>1, 2</sup>

<sup>1</sup> Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

<sup>2</sup> National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation  
<sup>1, 2</sup> elena.fontis@gmail.com

**Abstract.** The article examines the status and functions of the abbot in the monasteries of early medieval 7th-century Spain. The sources for the article are three rules from the Visigothic period: the Rule of Isidore of Seville, the Rule of Fructuosus of Braga, and the "Common Rule" (*Regula communis*), as well as the Pact. The evolution of the abbot's status in the Kingdom of Toledo throughout the 7th century is traced. The status of the abbot and his authority in the Kingdom of Toledo is generally analogous to the position of the abbot in the monasteries of the rest of medieval Europe. Its distinctive feature lies in the fact that the abbot bears colossal responsibility for the salvation of the souls of the monks entrusted to him, which grants him a special status but also obliges him to adhere to a certain moral and ascetic way of life. The abbot controls the life and daily routine of the novices to the extent that any action of a monk must be approved and blessed by the abbot or the elders. The abbot is present at daily readings, explains difficult and obscure passages from the Holy Scripture and hagiographic literature, and controls the monks' reading. He is also responsible for organizing religious services and prayers. The abbot is responsible for the discipline and behavior of the novices; to correct the monks, he can apply a wide range of punishments: from public condemnation to excommunication and corporal punishment with rods. In Isidore's Rule, the abbot's power is very great and is practically unlimited by anyone or anything, except for the requirements to observe the Rule and to be an example for the brethren. Fructuosus presents a broader list of demands for the abbot; furthermore, the abbot's judicial and disciplinary power is limited. The Pact indicates the right of the novices to express a grievance to the abbot that he is leading an impious life and abusing his power (although, even then, the monks must still show respect to the abbot by kissing his feet). If the abbot does not wish to resolve the conflict peacefully, the brethren can seek help from the bishop. Thus, the Rule of Fructuosus and the "Common Rule" outline mechanisms for controlling the abbot's activities, both by the bishop or other abbots and by the brethren themselves.

**Keywords:** Visigothic Kingdom of Toledo, monastic rules, history of Church, Isidore of Seville, Fructuosus of Braga, "Regula communis"

**Financial support:** This work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00723, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00723/>. The project was organized by Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

**For citation:** Marey, E.S. (2025) "Father of the monks": Sources of the spiritual authority of the abbot in Visigothic monasteries in the 7th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 127–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/14

В середине прошлого века известный американский историк-медиевист, специалист по истории монастырей и монастырской культуры Джайлс Констебль обратился к проблематике, связанной со статусом и авторитетом аббата в западноевропейском средневековом монастыре. Своеобразным итогом его штудий стала статья в коллективной монографии, где автор выявил три критерия, лежащих в основе власти аббата, и проследил, пусть и в общих чертах, эволюцию его статуса [1]. Итак, авторитет аббата освящен традицией и уставом; громадную роль играет его место наверху монастырской иерархии, а также не в последнюю очередь набожность настоятеля и его аскетический образ жизни. В этом смысле аббат служил примером поведения для остальной братии. Дж. Констебль показал, что в VI–VIII вв. власть настоятеля основывалась прежде всего на его духовном авторитете религиозного лидера общины: именно аббат отвечал перед Богом за спасение душ братии [1. Р. 190–193].

В своей статье историк рассматривает преимущественно источники, связанные с историей монастырей во франкских (затем французских) и итальянских землях: если говорить о раннем Средневековье, то главным источником тут является устав св. Бенедикта. Что же касается истории монашества на Пиренейском полуострове, то исследователь его почти не касается, разве что отмечает его особый – пактовый характер [1. Р. 191].

Общепризнано, что устав св. Бенедикта получил распространение в Испании не ранее IX в. [2. Р. 1, см. цитируемую там литературу]. В вестготской же монашеской традиции можно выделить две тенденции: условно западную, где важную роль играют институции и общий киновийный образ жизни, и условно восточную, отличительной особенностью которой является строгий аскетизм [2. Р. 2]. Примером первой может служить устав Исидора, второй – устав Фруктуоза и «Общий устав». Можно предположить, что статус и функции аббата в этих традициях при общей схожести все же будут отличаться в каких-то деталях.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе текстов вестготских уставов составить образ идеального аббата, проследив сходства и особенно отличия в источниках. Что делало аббата главой монастыря и отцом монахов? Какие инструменты власти были в его распоряжении? Наконец, мы попробуем выделить различия в интерпретации статуса и функций аббата в разных уставах и объяснить, чем они обусловлены.

Нашими основными источниками будут три устава вестготского времени: устав Исидора Севильского (615–619 гг., 25 глав), Фруктуоза Брагского (645 г., 24 главы) и

так называемый «Общий устав» (660 г., 30 глав). Последний написан под сильным влиянием устава Фруктуоза, так что в рукописях даже называется «Regula (communis) Fructuosi» (см. единственную полную рукопись, хранящуюся в Баварской государственной библиотеке, – Clm 28118. Fol. 118 r. См. также [3. Р. 380]). Устав Исидора носит, скорее, обзорный и обобщающий характер, но мы можем по нему составить представление об образе аббата. Фруктуоз составил свой устав, опираясь, с одной стороны, на существующий устав Исидора [3. Р. 377], а с другой – на восточную аскетическую традицию, известную ему по сочинениям Иоанна Кассиана и житиям египетских монахов. Наконец, самым оригинальным является «Общий устав», составленный, по всей видимости, *ad hoc*, как ответ на некоторую существующую практику поведения в монастыре и для регламентации насущных спорных вопросов [3. Р. 376–381; 4. Р. 340–347; 5. Р. 637–642]. «Общий устав» действовал внутри конгрегации монастырей, объединенных вокруг монастыря Думио близ Браги. Настоятели общин подчинялись аббату Думийского монастыря, который по традиции, идущей от св. Мартина Брагского и затем Фруктуоза Брагского, занимал епископскую кафедру. Исследователи считают, что таким образом был ограничен произвол аббата отдельного монастыря (например, см.: [6. Р. 172–173]).

Все три устава созданы за период менее чем сто лет, что само по себе удивительно. Объяснить это можно бурным ростом монастырей, особенно во второй половине VII в., и адаптацией разных монашеских традиций – галльской, африканской, египетской.

Еще одним важным источником является пакт – письменный документ, который новообращенный подписывал при поступлении в монастырь. Подписывая документ, новообращенный соглашался с тем, что отныне вверяет свою личность и волю во власть аббата монастыря. В отличие от *личной* клятвы послушника, распространенной в обителях континентальной Европы, пакт представлял собой *коллективную* клятву и связывал обязательственными узами настоятеля и всю монашескую общину целиком [2. Р. 3–4; 6. Р. 171; 7. Р. 100]. Вопрос о распространении пактового монашества остается дискуссионным. Некоторые историки, в частности А. Мундо и бенедиктинец фрай Х. Перес де Урбель, полагали, что оно было распространено на всей территории Толедского королевства. Они считали, что пакт появился очень рано, практически одновременно с появлением монастырей. Другую точку зрения наиболее последовательно отстаивал Ч.Дж. Бишко, который доказывал, что пакт появился

лишь во второй половине VII в. и был распространен на северо-западе – в монастырях, живущих по уставу Фруктуоза и «Общему уставу» [2. Р. 42–43]. С идеями Ч.Дж. Бишко согласен испанский исследователь А. Линахе Конде [8. Р. 21] и ведущий современный исследователь вестготского монашества П. Диас Мартинес [9. Р. 153–159] (подробности дискуссии см.: [2. Р. 6–16]). Тем не менее все исследователи признают, что дошедший до нас текст пакта был составлен во второй половине VII в. в Галисии (северо-запад), и отмечают текстуральные совпадения с уставом Фруктуоза и «Общим уставом» [7. 113–115]. Исходя из этого выводы, полученные при анализе данного документа, мы будем распространять на вторую половину VII в.

Теперь перейдем непосредственно к фигуре аббата в уставах. Аббат избирается из числа братии монастыря<sup>1</sup>. К сожалению, наши уставы обходят молчанием как процедуру выборов, так и принцип голосования (единодушно или большинством голосов). Мы также не можем сказать точно, кто именно избирал монаха; однако, судя по очень краткому сообщению канона IV Толедского собора, епископ должен был принимать в этом непосредственное участие<sup>2</sup>. Возможно, епископ избирал настоятеля единолично или вместе с монастырскими старцами либо утверждал того, кого они выбрали [9. Р. 17–18, 58–59, п. 283; 12. Р. 151]. Учитывая тот факт, что во второй половине – в конце VII в. епископами часто становились аббаты крупных монастырей, можно предположить, что они сохраняли связи внутри монастыря и могли неформально влиять на его жизнь.

Мы также не можем точно сказать о вмешательстве в выборы короля. Вероятно, корректнее говорить о том, что лица, связанные с королевским двором, скорее становились настоятелями крупных монастырей. В частности, показателен пример Гелладия, «светлейшего мужа при королевском дворе и управителя имуществ», который, удалившись от мира, стал сначала аббатом монастыря Агали близ Толедо, а потом и епископом этого города<sup>3</sup> [9. Р. 42–43].

Составители уставов предъявляют довольно четкие требования к претенденту. Это должен быть монах той самой киновии, очевидно, поскольку он хорошо знаком и с устройством монастыря, и с монахами. Далее, если говорить о возрасте, лучше всего избрать аббатом того, кто «в расцвете сил», но «уже близок к старости»<sup>4</sup>: такого аббата скорее будут слушаться монастырские старцы. Той же цели – снискать уважение братии и старцев – должны служить поведение и образ жизни аббата, на который наши авторы обращают пристальное внимание. Так, Исидор предписывает аббату «явить себя достойным подражания во всех примерах», чтобы слова настоятеля не расходились с его образом жизни<sup>5</sup>. Главными же качествами аббата, по мнению Исидора, являются справедливость (*iustitia*) и милосердие (*miser cordia*)<sup>6</sup>. Примечательно, что похожие качества – справедливость и доброта (*pietas*) являются, по Исидору, качествами идеального правителя [14. С. 235–239]. Таким образом, автор на лексическом уровне сближает короля и настоятеля монастыря, только первый несет ответственность за благополучие

всех подданных, тогда как аббат отвечает только за вверенных ему монахов.

В уставе Фруктуоза список требований к аббату гораздо шире, хотя, конечно, не противоречит Исидору. Интересна композиция уставов: если у Исидора образ аббата описывается уже во второй главе, то Фруктуоз обращается к нему только в 19-й главе *De abbate vel praeposito*. К этой самой главе у исследователей есть текстологические вопросы: дело в том, что она отсутствует в Эскориальской рукописи а I.13 (начала X в.), известной как кодекс Леодегунды [15. Р. 48–49; 16. Р. 21–25; 17. Р. 561, п. 79]. Между тем именно этот кодекс считается близким к архетипу первоначальной версии рукописи. Издатели устава Фруктуоза считают, что глава об аббате была дописана несколько позже, чем основной текст устава, и написана под влиянием соответствующих глав «Общего устава» и устава Исидора [10. Р. 134–135]. Хотя она и отсутствовала в первоначальной редакции, но была добавлена в текст явно очень рано, возможно, при жизни Фруктуоза, поскольку у нас есть рукописи начала IX в. (т.е. даже более ранние), которые эту главу содержат. И даже если автором данной главы был не Фруктуоз, то это сделал кто-то из его круга. Можно предположить, что сначала Фруктуоз не считал нужным специально останавливаться на нравственных качествах настоятеля обители, ведь это было прописано в уставе Исидора, который, несомненно, был ему известен. Однако во второй редакции «Правил» сам Фруктуоз или кто-то из его учеников добавил подробный список требований к будущему аббату, дополнив и раскрыв мысли Исидора. Из текста устава Фруктуоза возникает образ аббата как строгого, но справедливого и милосердного отца, который является примером для всей братии, а также помощником нуждающимся<sup>7</sup> [8. Р. 16–17].

Важно, чтобы проповеди и беседы аббата находились в полнейшей гармонии с его образом жизни: и то и другое вместе образуют мощное духовное оружие, подобное обоюдоострому мечу, с помощью которого настоятель может исправить души заблудших и впавших в грех. Далее автор устава рассуждает о том, что для аббата, как и для музыканта, важен порядок и гармония<sup>8</sup>. Заметим, что в остальных главах устава никаких метафор и поэтических сравнений нет. Это является доказательством того, что автором 19-й главы был не Фруктуоз.

В «Общем уставе» мы не найдем столь же подробного описания моральных качеств аббата: и это было бы избыточно, поскольку *Regula communis* целиком или в отрывках всегда шла в рукописях вместе с уставом Фруктуоза [17. Р. 561]. Однако какие-то сведения из него извлечь можно. Так, в «Общем уставе» указано, что аббат должен раз в месяц совершать литанию вместе с другими аббатами; на этих же ежемесячных собраниях настоятели разбирают образ жизни и поведения друг друга, чтобы возвращаться в свои кельи пристыженными и униженными<sup>9</sup> [7. Р. 99–100]. Итак, контроль за поведением аббата и его моральным обликом возлагается на настоятелей других монастырей, живущих по тому же уставу.

Кроме того, в «Общем уставе» специально прописываются два требования: будущий аббат должен уже достаточно долго жить в монастыре, дабы «утвердиться в святом образе жизни», а также он должен быть абсолютным бессребреником<sup>10</sup>. Авторы устава прямо запрещают аббату участвовать в судебных разбирательствах по поводу имущества монастыря; это следует передоверить благочестивому мирянину. Желательно уладить дело миром; в случае же, если истец будет упорствовать, нужно уступить ему и примириться с потерей имущества<sup>11</sup>. В самом деле, аббат, погрязший в бесконечных спорах и судебных разбирательствах, вряд ли может вызывать должный пиетет как у братии, так и у живущих по соседству мирян. Аббат (как и остальные монахи) должен стоять как бы вне мира и над мирскими проблемами, дабы не впасть в искушение и не начать предпочитать материальное духовному. В этом смысле фигура аббата становится сакральной (если мы понимаем сакральное как оппозицию мирскому), хотя, в отличие от епископа, к аббату никогда не применяется эпитет *sanctus*. Особый духовный статус настоятеля проявляется в первую очередь в том, что именно на него ложится забота о душах монахов.

Рассмотрим те средства, которыми достигается спасение душ. Прежде всего, аббат собирает монахов для чтения священных книг и уставов: эта обязанность оговаривается в уставах Исидора и Фруктуоза. Очевидно, что цель совместных чтений – воспитывать братию, наставлять ее в христианской доктрине, через чтение житий явить примеры благочестивого поведения [12. Р. 149].

Для чтения есть определенные часы: с третьего по шестой летом и от зари до третьего часа, а потом еще после девятого часа – осенью, зимой и весной. В своем уставе Исидор разделяет практику индивидуального чтения в келье (для этого монаху даже выдаются тексты из монастырской библиотеки – правда, с определенными ограничениями) и практику совместного чтения и разъяснения трудных мест<sup>12</sup> [7. Р. 87–88; 17. Р. 535–537]. В то же время Фруктуоз говорит только о совместном чтении<sup>13</sup>. Один из монахов читает жития Отцов (вероятно, египетских) и книгу правил, среди которых мог быть и устав Исидора, аббат или препозит должны объяснить суть прочитанного. В «Общем уставе» нет отдельной главы, посвященной чтениям, но очевидно, что аббат должен изучать священные тексты, возможно, жития святых отцов<sup>14</sup>. Нельзя сказать, что монахи чужды чтению: в 5-й главе, осуждая непослушных монахов, автор говорит, что они из-за своего ропота погибли, как евреи в пустыне, с той лишь разницей, что читали Священное Писание<sup>15</sup>. Примечательно, что безоговорочное послушание аббату является гораздо более ценным качеством, чем образование и чтение Библии: оказывается, что одного только чтения священных текстов для спасения не достаточно. По всей видимости, в монастырях, живущих по «Общему уставу», совместное чтение все же практиковалось, просто авторы решили не прописывать правила подробно, ведь нормы чтения были прописаны в уставе Фруктуоза, который тоже хорошо знали.

Итак, если сравнить три устава, то мы увидим, что аббату принадлежит почти исключительное право на толкование трудных мест из Священного Писания и святоотеческой литературы, причем постепенно устанавливается своего рода монополия настоятеля на трансляцию знания. В самом деле, монахи монастыря, описанного Исидором, имеют право читать самостоятельно (хотя под контролем настоятеля), в обителях северо-запада полуострова практиковалось только совместное чтение с разъяснениями аббата или препозита. У Фруктуоза, вслед за Исидором, эти чтения были регулярными, а вот относительно частоты и регулярности чтений в монастырях, живущих по «Общему уставу», мы ничего не можем сказать. Таким образом, очевидно, что аббат из последнего монастыря является чуть и не единственным носителем сакрального знания, или по крайней мере одним из немногих.

Другой не менее важной обязанностью аббата является участие в богослужении и в общей молитве. В частности, «Общий устав» прямо свидетельствует о том, что служба часов – главное дело аббата, ради которого он должен отложить все остальные заботы и дела<sup>16</sup>. Вторая глава устава Фруктуоза довольно пространная, целиком посвящена службе; правда, там службой руководит препозит, но есть основания полагать, что под этим словом подразумевается именно аббат. Так, практически во всем тексте устава Фруктуоза мы видим связку *abba vel praepositus* (аббат или препозит): даже в 19-й главе, о которой речь шла выше, Фруктуоз или кто-то из его учеников прописывает требования, одинаково предъявляемые как к аббату, так и к препозиту. Можно с осторожностью заключить, что Фруктуоз использует слово *praepositus* не в «техническом» смысле, подразумевая главного помощника настоятеля, а в широком, в значении «первенствующего».

Первенство аббата на службе и вообще функция организации богослужения делает аббата самой значимой фигурой в монастыре, ведь молитва – одно из главных дел монаха. Очевидно, что даже самые усердные и благочестивые порой по рассеянности, из-за усталости или по иной причине молятся недостаточно ревностно; некоторые (насколько можно судить по тексту уставов) пытаются и вовсе не явиться на службу (особенно ночную) или уйти раньше [10. Р. 141]. Аббат, таким образом, отвечает за то, чтобы послушники могли исполнить свое предназначение, ради которого они и пришли в монастырь. В этом смысле примечательно, что, по мнению раннесредневековых авторов, именно аббат несет ответственность за своих подопечных, вплоть до того, что должен будет дать за них ответ на Страшном суде<sup>17</sup>. Таким образом, спасение душ монахов зависит не только от их личных усилий, но и от аббата (ср.: [1. Р. 192]). Поскольку на настоятеля возлагается столь большая ответственность, его дисциплинарная власть над монахами тоже очень велика.

Аббат отвечает за дисциплину внутри монастыря и за то, чтобы послушники следовали уставу. Монахи должны беспрекословно повиноваться аббату или старшим, действующим по его санкции. Иноки лишаются любой инициативы, отказываясь от собственной



воли и ее проявлений. Ярким подтверждением тому является повторяющаяся во всех уставах норма, согласно которой никто не может ничего сделать без благословения аббата или старшего<sup>18</sup>. В «Общем уставе» этой норме посвящена целая глава, где приводятся основания, почему монахи всегда должны слушать аббата и вообще старцев. В частности, в пример послушникам приводится Христос, который был послушен Отцу вплоть до самой смерти<sup>19</sup>. Здесь явно имеем дело с игрой слов, поскольку, как мы видели выше, отцом (*pater monachorum*) называется также аббат монастыря. Заметим, что появление специальной главы о том, что все послушники должны беспрекословно повиноваться аббату, свидетельствует, скорее, о непрочности авторитета настоятеля. Действительно, послушание является одним из неперменных качеств послушника, так что дополнительное требование повиноваться аббату кажется избыточным и может объясняться только тем, что в реальности монахи не всегда выполняли приказы настоятеля.

Правило слушаться аббата и старцев, разумеется, не является специфически вестготским изобретением: напротив, требование полностью отказаться от своего волеизъявления и исполнять волю старшего можно увидеть в самых ранних монашеских правилах, в частности в правиле Василия Великого. В «Установлениях» Кассиана, в *Regula magistri* и, что особенно важно, в «Правиле» Бенедикта Нурсийского это требование многократно воспроизводится [1. Р. 191–193]. Оно логичным образом объясняет, почему на аббата возлагается столь большая ответственность в вопросе спасения душ послушников: каждый монах отказывается от своего «я» и как бы вверяет себя и свою судьбу в руки аббата. В частности, об этом прямо сказано в Пакте: «Поэтому, охваченные божественным рвением, мы тут все, кто ниже должен подписаться, передаем Богу и тебе, господину и отцу нашему, души наши, чтобы, согласно распоряжениям апостолов и уставу и согласно тому, как предписал святой авторитет предыдущих отцов, мы обитали в одном общежитии, Христом предваряемые и тобой научаемые»<sup>20</sup> (пер. М.Ю. Биркина).

В реальности, однако, иноки далеко не всегда вели примерный образ жизни. Авторы вестготских уставов вынуждены обращаться к теме проступков и наказаний за них. Исследователи неоднократно отмечали, что самым суровым в этом отношении является устав Фруктуоза: там проступкам и наказаниям посвящены 5 из 24 глав [4. Р. 343; 5. Р. 640; 18. Р. 75–80; 19. Р. 203–204]. Фруктуоз довольно подробно перечисляет основные проступки и прегрешения монахов и четко регламентирует наказание за каждый из них. В арсенале у него не только отлучение как самое страшное наказание, но и розги [10. Р. 151–156]. В уставе Исидора также есть главы (гл. 14–18), которые посвящены греху и наказанию. Для Исидора главным средством исправления является раскаяние или покаяние; в целом преодоление греха – прежде всего духовный труд самого монаха. В частности, если братья поссорились, а потом помирились, то об этом не следует сообщать аббату: Исидор

считает, что раскаянием и извинением они уже искупили вину<sup>21</sup>. К дисциплинарным мерам можно отнести также увещание, публичное покаяние, в тяжелых случаях – отлучение от причастия, карцер с хлебом и водой, а также проклятие. Исидор и Фруктуоз понимают наказание не как самоцель, а как средство исправление грешника. Конечной целью является искреннее раскаяние.

В вестготской монашеской традиции за дисциплину отвечает аббат монастыря, и обо всех серьезных случаях ее нарушения следует докладывать именно ему. Аббату дана власть отлучать монаха от церкви, т.е. временно исключать его из монастырского сообщества, лишая не только нормальной пищи, но и радости молитвенного общения. Правда, наряду с аббатом этой же властью обладает и препозит монастыря – главный помощник настоятеля<sup>22</sup>. Аббату же принадлежит право снимать отлучение, если, по его мнению, грешник искренне раскаялся и исправился<sup>23</sup>.

Однако судебная власть аббата ограничена публичностью разбирательства прегрешения или проступка. По мнению Исидора, порицание грешника перед лицом всей братии служит исправлению не только провинившегося, но и остальных<sup>24</sup>. Если у Исидора идея необходимости публичного разбирательства и порицания выражена весьма общими словами, то Фруктуоз четко пишет, что судить провинившихся должен не один аббат, а некая коллегия «духовных и правдивых братьев», для того чтобы исключить возможный пристрастный и несправедливый приговор аббата<sup>25</sup>. Подробнее эта процедура прописана в Пакте. Ропщущий на устав, непослушный, строптивый или клеветник должен быть осужден на собрании всех монахов монастыря. В присутствии всех послушников должно быть зачитано правило (видимо, та норма, которую нарушил монах), и, таким образом, вина нарушившего правило должна быть доказана публично<sup>26</sup>. Это служит в качестве воспитательной меры для остальных и одновременно ограничивает дисциплинарную власть аббата или препозита.

Однако и аббат не должен нарушать устав. Мы не знаем, как можно было урезонить аббата в монастырях, живущих по уставу Исидора: можно предположить, что при сильных злоупотреблениях мог вмешаться епископ (ср.: [12. Р. 153]). Зато в монастырях, живущих по уставу Фруктуоза и «Общему уставу», послушники могли контролировать поведение настоятеля. В Пакте указано, что братия могла обратиться к аббату не напрямую, а через препозита; в свою очередь тот должен донести до аббата претензии братии лишь после того, как поцелует ноги настоятелю. Этот, в общем-то, униженный ритуал подчеркивал, с одной стороны, смирение монахов и препозита и, с другой – исключительный статус аббата. В то же время стоит обратить внимание на то, что от аббата требуется признать по пунктам свою вину и изменить поведение. Если же он будет продолжать нарушать устав и не захочет решить дело миром, то братия может обратиться к епископу (очевидно, епископу Думио) и даже к королевскому комиту<sup>27</sup> [7. Р. 110–112]. И тут важно, что,

несмотря на исключительный статус аббата в монастыре, все же его власть и авторитет не абсолютны, а напрямую зависят от его поведения и образа жизни. И это не просто подразумевается, а прямо прописано в Пакте, который является юридическим документом, порождающим обязательства.

Необходимо упомянуть еще об одной важной сфере деятельности аббата, а именно об управлении хозяйством монастыря. Эта проблематика была в деталях исследована П. Диасом Мартинесом [9], так что, следуя его идеям, я попытаюсь обозначить, как контроль над имуществом и хозяйственной жизнью влиял на статус и авторитет аббата. В вестготских уставах аббат является главным распорядителем монастырского имущества как движимого, так и недвижимого. При этом с самого начала – уже в уставе Исидора – рядом с аббатом появляются препозит и деканы, которые непосредственно организуют монахов на работу и следят за ее выполнением<sup>28</sup> [8. Р. 18–19]. Ежедневная рутинная работа по организации монашеского труда и труда зависимого от монастыря населения лежит именно на препозитах<sup>29</sup>. Аббат же, как можно заключить по тексту уставов, осуществляет общее управление имуществом<sup>30</sup>. Однако именно аббат представляется хранителем и гарантом неотчуждаемости монастырского имущества. Так, аббат должен защищать монастырское имущество в суде, хотя бы и не лично, а через посредника – благочестивого мирянина [9. Р. 144]. При этом по тексту уставов видно, что хозяйственная деятельность аббата при всей ее значимости не является главной. За эту сторону жизни отвечает препозит. Основная функция настоятеля состоит в том, чтобы молиться, организовывать службу, следить за дисциплиной и пояснять монахам непонятные места из Священного Писания. Иначе говоря, его главной заботой была забота о душах монахов, за которых он и будет отвечать на Страшном суде.

\* \* \*

Итак, источники власти и авторитета аббата в Толедском королевстве вестготов не отличаются от тех,

которые выделил Дж. Констебль применительно ко всему латинскому средневековью. В этом смысле раннесредневековая Испания при всех особенностях развития там монашества не является уникальным регионом.

Аббат называется в уставах «отцом монахов» и действительно наделяется отеческой властью над послушниками. Он обеспечивает жизнедеятельность монастыря в самом прямом смысле, поскольку является распорядителем имущества обители. Хотя важную роль в хозяйственной жизни играют помощники аббата – препозиты и деканы, но они являются лишь исполнителями решений настоятеля.

Но главное, аббат несет колоссальную ответственность за спасение душ вверенных ему монахов, и это наделяет его особым статусом. В уставе Фруктуоза и в Пакте, который идет в связке с «Общим уставом», буквально прописывается отказ послушников от собственного волеизъявления, а послушание старшим преподносится как обязательное условие будущего спасения. Аббат является толкователем трудных и непонятных мест из Священного Писания (подчас единственным), на него же ложится обязанность участвовать во всех богослужениях и следить за тем, чтобы послушники усердно молились. Он же отвечает за дисциплину в монастыре и поведение иноков, притом отвечает на Страшном суде перед самим Господом. Именно поэтому аббат наделяется дисциплинарной властью и, в частности, правом отлучать от церкви тех, кто особенно упорствует во грехе.

Однако наряду с исключительным статусом к аббату предъявляются весьма жесткие моральные требования. Его образ жизни должен быть безупречен и служить примером для всей братии. Аббат подчиняется нормам устава и не может злоупотреблять своей властью. Ответственность аббата, как кажется, яснее осознается авторами второй половины – конца VII в., и поэтому в уставе Фруктуоза, в «Общем уставе» прописываются механизмы контроля над деятельностью аббата как со стороны епископа или других аббатов, так и со стороны братии.

## Примечания

<sup>1</sup> RI. 2, 31: Abba interea deligendus est... (Аббата, однако, следует выбирать... Здесь и далее русский текст устава Исидора цитируется в переводе С.А. Воронцова) [10. Р. 92]; RF. 19, 369: Abba uel praepositus e propriis semper coenobii monachis eligantur (Аббат или препозит всегда пусть всегда избираются из монахов той самой киновии) [10. Р. 157].

<sup>2</sup> Conc. Tol. IV (anno 636), can. 51: ...hoc tantum sibi in monasteriis vindicent sacerdotes, quod recipiunt canones, id est monachos ad conuersationem sanctam praemonere, abbates aliaque officia instituere atque extra regulam facta corrigere. (...пусть епископы в монастырях оставят за собой только на то, что поддержано канонами, то есть увещивать монахов вести святой образ жизни, поставлять аббатов и других служителей, а также исправлять, что было сделано вопреки уставу) [11. Р. 209].

<sup>3</sup> Ильдефонс Толедский. Книга о знаменитых мужах. 6 [13. С. 389].

<sup>4</sup> RI. 2, 31–35: Abba interea deligendus est institutione sanctae uitae duratus atque inspectus patientiae et humilitatis experimentis, qui etiam et per exercitium uitam laboriosam tolerauit; ac transcendens aetatem adulescentiae in iuuentute sua senectutem tetigerit; cui et maiores non dedignentur parere obediens ei, tam pro aetate quam etiam pro morum probitate (Аббата, однако, следует выбирать, закаленного в обычае святой жизни и испытанного в трудах терпения и смирения, который на деле проводил многотрудную жизнь; и <который>, выйдя из юного возраста, в расцвете своих сил был бы уже близок к старости, кому бы и старшие не признавали недостойным подчиняться, послушные ему как в силу его возраста, так и в силу порядочности его нравов) [10. Р. 92].

<sup>5</sup> RI. 2, 36–37: Iste enim se imitandum in cunctis operum exemplis exhibebit. Neque enim aliquid imperare cuiquam licebit, quod ipse non fecerit (Он явит себя достойным подражания во всех примерах. И притом не позволено <ему> будет приказывать кому-либо <делать> что-либо, что он сам не делал) [10. Р. 92].

<sup>6</sup> RI. 2, 40–42: ...circa omnes quoque seruans iustitiam, contra nullum liuore odii inardescens; omnes ex corde amplectens nullum conuersum despiciens, paratus etiam quorumdam infirmitati conpatiendi misericordia... (...соблюдая справедливость в отношении ко всем, ни к кому не пылая гневом и завистью, любя всех от всего сердца, не презирая никого из послушников, готовый милосердием сострадать любой немощи...) [10. P. 92].

<sup>7</sup> RF. 19, 370–379: Vir sanctus, discretus, grauis, castus, karus, humilis, mansuetus et doctus, qui diutinis experimentatus est documentis, omnibus praefatis rebus bene fuerit eruditus, qui in abstinentia praecellat, in doctrina refulgeat, exquisitas epulas et mensae lautioris consuetudinem contemnat. Vini nimis perceptionem respuat. Cunctis in commune fratribus ut pater proprius piissimusque prouideat. Quem nec ira subita immoderate deiciat, nec superbia extollat, nec maeror ac pusillanimitas frangat, nec libido corrumpat. Qui et in patientia discretionem, et cum ira exhibeat leuitatem. Quique sic egentibus atque pauperibus pareat ut ministrum se et non praelatum tantum Xpi uisceribus recognoscat. (Муж святой, строгий, серьезный, целомудренный, [всем] приятный, смиренный, добрый и ученый, разбирающийся в старых документах (?), который был хорошо обучен всем перечисленным вещам, пусть он превосходит всех в воздержании, сияет ученостью, презирает утонченные яства и привычку к роскошному столу. Чрезмерное потребление вина пусть с презрением отвергает. Да печется от обо всех братьях вместе как их собственный милосерднейший отец. И не сокрушит его совершенно внезапный гнев, не вознесет гордыня, не будут удручать грусть и малодушие, не источит похоть. Да проявит он и в терпении строгость, и в гневе снисходительность. Пусть он так помогает нуждающимся и беднякам, что сознает себя слугой для детей Христовых, а не только поставленным впереди) [10. P. 157–158].

<sup>8</sup> RF. 19, 379–386: Cuiusque tanta debet sermonis et uitae consonantia esse, ut id quod docet uerbis confirmet operibus sedulis; et bis acuto praecedens gladio quicquid alios informat uerbo iugi ipse gerat studio. Ut nec sermonem operatio destruat, nec e contra operationem bonam sermo inconueniens frangat, sed sint sibi cuncta in parte conuenientia, sicuti cordarum concordia in lira uel cithara, quae tunc dulciffium ex se sonum reperiunt reddunt, cum artificis pulsante manu, temperato aequitatis ordine, et non confusa inaequalitatis praecipitatione feriuntur (Такое должно быть согласие его жизни и беседы (проповеди), что то, чему он учит на словах, он прилежно подкреплял бы делами; и шествуя впереди с обоюдоострым мечом, то, что он в других воспитывает словами, сам совершал бы с непрестанным усердием, так что ни его деяния не нарушали бы беседы, ни неподходящая беседа не противодействовала бы добродетели, но такая была бы в каждой части гармония, как согласие струн в лире или кифаре, которые только тогда от удара издают столь сладкозвучный напев, когда по ним ударяют побуждающей рукой мастера равномерно определенным порядком, а не смешанными беспорядочными ударами) [10. P. 158].

<sup>9</sup> RComm. 10, 309–315: Secundo ut per capita mensium abbates de uno confinio uno se copulentur loco, et mensuales laetantias strenue celebrent, et pro animabus sibi subditis auxilium Domini implorent. Quia de ipsis in tremendo iudicio cum grandi discussione sperent se Deo reddere rationem. Tertio qualiter cotidie uiuere debeant ibi disponant, et tamquam a saionibus comprehensi ad cellas reuertant subplacitati (Во-вторых, пусть в начале [каждого] месяца аббаты одной местности собираются в одном месте и усердно совершают ежесющную литанию и ради душ вверенных им людей слезно просят о помощи Господа, ведь они о самих себя надеются, что при тщательном разбирательстве на Страшном суде дадут Богу отчет. В-третьих, пусть там решают, как должны каждый день жить, и пусть возвращаются в свои кельи униженные, будто их разоблачили сайоны. *Здесь и далее русский текст «Общего устава» цитируется в переводе М.Ю. Биркина*) [10. P. 187].

<sup>10</sup> RComm. 3, 91–94: Primum praeuidendus est abbas uitae sanctae institutione duratus; non conuersatione nouellus, sed qui per diuturnum tempus in monasterio sub abbate desudans inter multos est conprobatus, et non habet hereditatem in saeculo <...> (Сначала нужно предусмотреть, чтобы аббат утвердился в святом образе жизни, не новообращенный [монах], но тот, кто, усердно протрудившись под началом аббата в монастыре в течение длительного времени, получил среди многих одобрение, и [тот, кто] не имеет наследия в веке сем, <...>) [10. P. 177].

<sup>11</sup> RComm. 3, 91–107: Si certe aliquis insequitur monasterii accesserit et aliquid auferre conauerit et per uim tollere uoluerit uni de laicis causam iniungat, et ipso fidelissimo christiano <...> Quod si persequitur in sua perseuerauerit contumacia et plus lucra dilexerit quam animam, statim causator cum eo contendere dimittat (Если, конечно, какой-либо преследователь монастыря нападет, попытается что-то похитить и захочет вынести [это] силой, аббату следует поручить судебную тяжбу одному из мирян <...> Но если истец будет упорствовать в своем упрямстве и больше любить наживу, чем душу, ответчику следует тотчас прекратить с ним спорить) [10. P. 177–178].

<sup>12</sup> RI. 8, 211–216: Omnes codices custos sacrarii habeat deputatos a quo singulos singuli fratres accipiant quos prudenter lectos uel habitos semper post uesperum reddant. Prima autem hora codices diebus singulis expetantur. <...> De iis autem quaestionibus quae leguntur nec forte intelleguntur unusquisque fratrum aut in conlatione aut lectione ab eo expositionem suscipiat, ita ut dum uni exponitur ceteri audient (Все книги должны быть доверены ризничему, от которого братия получают каждый по одной и, когда они благоразумно прочитаны или использованы, всегда возвращают после вечерни. Пусть запрашивают книги в первый час каждый день. <...> О тех вопросах, которые читают и вдруг не понимают, каждый из братии пусть спрашивает аббата или на собеседовании, или после вечерни, и, когда место будет зачитано, примет от него разъяснения, так, чтобы пока одному объясняют, другие слушали) [10. P. 103].

<sup>13</sup> RF. 2, 59–62: ...sic post mediam noctem si hyemis tempus est, sedentibus cunctis unus in medio residens releget librum et abbate uel praeposito disserente, ceteris simplicioribus quod legitur patefiet. Quod quidem et aestate post uesperam conseruetur... (После полуночи, если на дворе зима, когда все рассядутся, один, стоя посредине, пусть читает книгу и благодаря объяснениям аббата или препозита пусть суть прочитанного станет понятной прочим простецам. То же самое пусть соблюдается и летом после вечерни...) [10. P. 140].

<sup>14</sup> RComm. 10, 315–317: Quarto, retroacta sanctorum patrum per scripturas sciscitantes reuoluant, ut ab ipsis quid facere debeant agnoscant, et intus ac foris ante et retro plenam mentem oculis habeant (В-четвертых, пусть они, внимательно снова и снова изучают написанное о деяниях святых отцов прошлого, чтобы оттуда узнать, как надо поступать и иметь разум, исполненный очей внутри и снаружи, спереди и сзади (пер. М.Ю. Биркина с изменениями)) [10. P. 189–190].

<sup>15</sup> RComm. 5, 147–152: ...et quicquid fecerint absque murmuratione faciant; ne, quod absit murmurando ea sententia pereant, qua perierunt hi qui in deserto murmurauerunt. Illi perierunt manna manducando, et isti in monasterio murmuratores scripturas recitando. Illi manna manducando mortui sunt; et isti scripturas legendo et audiendo spiritali fame cotidie moriuntur (И что бы ни делали, пусть делают это они без ропота. И чтобы они – да не случится так – не погибли из-за ропота по тому же приговору, по какому

погибли роптавшие в пустыне. Те погибли, вкушая манну, а эти ропшущие в монастыре, читая вслух Писания. Те умерли, вкушая манну, а эти, читая и слушая Писания, от духовного голода умирают каждый день» [10. Р. 180].

<sup>16</sup> RComm. 10, 300–303: Proinde ergo abbates per monasteria tota mentis intentione cum fletu et cordis contritione tuita laboris aut itineris occasione cum omni monachorum congregatione celebrare debent (По этой причине, следовательно, аббаты по монастырям должны вместе со всей братией монахов, отбросив всякую причину для работы и путешествия, служить [часы] в полном сосредоточении ума, с плачем и сердечным сокрушением) [10. Р. 187].

<sup>17</sup> RComm. 10, 309–313: Secundo ut per capita mensium abbates de uno confinio uno se copulentur loco, et mensuales laetantias strenue celebrent, et pro animabus sibi subditis auxilium Domini implorent. Quia de ipsis in tremendo iudicio cum grandi discussione sperent se Deo reddere rationem (Во-вторых, пусть в начале [каждого] месяца аббаты одной местности собираются в одном месте и усердно совершают ежемесячную литанию и ради душ вверенных им людей слезно просят о помощи Господа, ведь они о самих себя надеются, что при тщательном разбирательстве на Страшном суде дадут Богу отчет) [10. Р. 187].

<sup>18</sup> RI. 24, 579–580: Nullus monachorum inconsulto abbate audeat uspiam progredi, nec aliquid praesumere sine inperio eius seu praepositi (Никто из монахов пусть не осмеливается, не спросив аббата, куда-либо отбывать или позволять себе что-либо без распоряжения его или препозита) [10. Р. 124]; RF. 8, 201–202: Nullus alicui manum teneat, aut ad punctum temporis uspiam sine benedictione secedat (Пусть никто не держит другого за руку и не удаляется куда-либо на некоторое время без благословения) [10. Р. 148].

<sup>19</sup> RComm. 5, 140–141: In tantum debent monachi praecepta oboedire maiorum sicut Christus Patri oboediens fuit usque ad mortem (Настолько монахи должны повиноваться предписаниям старших, насколько Христос Отцу был послушен вплоть до смерти) [10. Р. 180].

<sup>20</sup> Pactum, 74–78: Proinde diuino ardore accensi ecce nos omnes qui subter notandi sumus, Deo et tibi Domino et patri nostro tradimus animas nostras, ut secundum edictum apostolorum et regulam et sicuti sancta patrum praecedentium sanxit auctoritas uno nos in coenobio Christo praecedente teque docente habitemus [10. Р. 209].

<sup>21</sup> RI. 16, 390–393: Qui sibimet inuicem conuicia obiciunt, si iterum inuicem sibi celeriter laxando ignoscunt ii ab alio indicandi non sunt quia pariter sibi ueniam dare festinauerunt, si tamen excedere in semetipsos frequentius non praesumant (О тех же, кто будет ругаться друг с другом, если быстро друг друга, примирившись, простят, не следует доносить другому, поскольку они вместе поспешили даровать себе прощение, если они не будут позволять себе часто впадать в то же самое) [10. Р. 113].

<sup>22</sup> RI. 18, 461–462: Excommunicandi potestatem habebit pater monasterii siue praepositus (Власть отлучения пусть будет только у отца монастыря или препозита) [10. Р. 117]; RComm. 11, 350–351: Excommunicandi tamen causam sic abba, sic praepositus habeat (Властью отлучать пусть обладают как аббаты, так и препозиты) [10. Р. 191].

<sup>23</sup> RF. 13, 269–271: Similiter quoque et refectiois tempore coram refectorio adstabit uultu deposito et habitu quousque fratrum compassione et patris miseratione solutus ueniam percipiat, quam deposcit (Также и во время отдыха пусть стоит перед отдыхающими, опустив лицо в преклоненной позе, пока из сострадания остальных братьев и милосердия аббата не получит искомого прощения) [10. Р. 152]; RComm. 14, 445–447: Abbas uero sollicitus et prudenter tractet utrum ueram an imaginariam habeat patientiam per quam possit se ad fratrum reconciliare karitatem (Аббат же тщательно и рассудительно разберет, истинное ли, или показное имеет терпение провинившийся, с помощью которого он может вновь соединить себя с любовью братьев) [10. Р. 197].

<sup>24</sup> RI. 15, 381–385: ...si negauerit qui deliquit peccatum palam commissum, palam est arguendum, ut dum manifeste peccans emendatur, ii qui eum in malo imitati sunt corrigantur. Si autem per unius delictum saepe multi pereunt, ita per unius emendationem plerumque multi saluantur (Если будет отпираться тот, кто совершил грех публично, публично же надо его опровергать, чтобы пока явно грешащего поправляют, те, кто ему подражали в дурном, исправлялись. Ведь если через проступок одного часто гибнут многие, так и через исправление одного в большинстве случаев многие спасаются) [10. Р. 113].

<sup>25</sup> RF. 13, 276–281: Ne fortasse dolositate uel malitia senioris innocens iunior opprimatur, abbati uel praeposito iuxta personarum acceptionem non liceat indicare, neque aliquem fraudulenter uel iniuste damnare, sed ut dictum est, spiritalium et ueridicorum fratrum huiusmodi rebus est referenda sententia, qui sibi dei iudicium ponentes prae oculis non permittant pessime obprimi animam innocentis (Чтобы невинный юнец не пострадал из-за хитрости или злоумышления старца, аббату или препозиту не дозволяется судить лицепрятно, осуждать кого-либо обманно или несправедливо, но, как сказано, приговор по такого рода делам надлежит выносить духовным и правдивым братьям, которые, имея перед глазами Суд Божий, не осмелятся наихудшим образом угнетать душу невинного) [10. Р. 152].

<sup>26</sup> Pactum, 682–687: Quod si aliquis ex nobis contra regulam et tuum praeceptum murmurans, contumax, inoboediens, uel calumniator, existeret tunc habeamus potestatem omnes in unum congregare, et lecta coram omnibus regula culpam publice probare; et flagella seu excommunicationem secundum intuitum culpaе unusquisque suum reatum conuictus suscipiat (Но если среди нас объявится кто-нибудь, на правило и твое предписание ропшущий, строптивый, непослушный или клеветник, да будет у нас право всех собрать вместе и, прочитав в присутствии всех правило, публично доказать вину. И каждый, уличенный в своем проступке, да получит порку или отлучение в соответствии с [его] виной (пер. М.Ю. Биркина) [10. Р. 210].

<sup>27</sup> Pactum, 705–719: Tibi uero domino nostro suggerimus, si uelles, quod credi certe nefas est et quod Deus fieri non patitur, aliquem ex nobis iniuste aut superbe aut iracunde habere aut certe unum diligere et alterum liuoris odio contempnere, unum imperare, alterum adulare, sicut uulcus habet, tunc habeamus et nos concessam a Deo potestatem non superbe, non iracunde, per unamquamque decaniam praeposito nostro querimoniam inferre; et praepositus tibi domino nostro humiliter pedes deosculari et nostram querellam ad singula pandere et tu patienter iubeas auscultare, et in communi regula ceruicem humiliare et corripere et emendare; quod si corripere te minime uolueris, tunc habeamus et nos potestatem cetera monasteria comis mouere aut certe episcopum qui sub regula uiuit uel catholicum ecclesiae defensorem comitem et aduocare ad nostram conlationem ut coram ipsis te corripas, et coeptam regulam perficias et nos simus discipuli subditi seu adoptiui filii humiles oboedientes in omnibus quae oportet, et tu demum Christo sine macula offeras nos inlaesos. Amen. (Тебе же, господин наш, мы сообщаем, что – в это, конечно, нельзя, поверить, и Бог это не допустит, если ты станешь с кем-либо из нас несправедливо, или горделиво, или гневливо обращаться, или даже одного почитать, а другого презирать из зависти и ненависти, над одним властвовать, другому – льстить, как поступает чернь, тогда пусть и у нас будет дозволенное Богом право – без гордости и гнева – через своего декана передать жалобу препозиту. А препозит [будет иметь право] смиренно поцеловать тебе, господин наш, [твой] ноги и изложить нашу жалобу по пунктам, и ты терпеливо соизволишь выслушать и смирить выю свою под ярмо Общего устава, повиниться и исправиться. Но если ты совсем не захочешь



повиниться, тогда пусть и у нас будет право привлечь другие монастыри или даже епископа, который живет согласно уставу, или комита, правоверного защитника церкви, и призвать на наше собрание, чтобы в их присутствии ты повинился и установленное наказание выполнил, а мы были бы покорными учениками или приемными сынами, смиренными и послушными во всем, что нужно, и ты, наконец, принесешь нас Христу непорочными и нетронутыми. Аминь» [10. Р. 211].

<sup>28</sup> RI. 5, 166–167: Quaecumque autem operantur monachi manibus suis praeposito deferant, praepositus autem principi monachorum (Монахи то, что они сделали своими руками, пусть передают препозиту, а препозит — начальнику монастыря) [10. Р. 100]; RF. 4, 113–115: Dicta prima commoneantur decani a praeposito suo quale opus debent exercere, adque illi reliquos admonet fratres (Когда будет прочитана молитва первого часа, пусть деканы получают от своего препозита наставления, каким трудом им следует заниматься, а они пусть дадут наставления остальной братии) [10. Р. 143].

<sup>29</sup> RI. 21, 506–509: Ad praepositum enim pertinet sollicitudo monachorum, actio causarum, cura possessionum, satio agrorum, plantatio et cultura vinearum, diligentia gregum, constructio aedificiorum, opus carpentariarum siue fabrorum (К [должности] препозита относятся: попечение о монахах, ведение дел, забота о собственности, засев полей, насаждение и возделывание виноградников, уход за стадами, постройка зданий, труд плотников и мастеров) [10. Р. 120].

<sup>30</sup> RComm. 11, 345–355: Omnem uero monasterii substantiam praepositi accipiant dispensandam, et si quispiam captiuorum aliquid alimenti petierit abbatem aut pro quacumque causa ipse praepositus hoc provideat et ut abba nullum laborem habeat exceptis quae supra praediximus, omni intentione sollicitudinem gerat. <...> Et quod per singulos menses expensum fuerit, per omnium capita mensium rationem suo abbati faciat; et hoc cum tremore et simplicitate ac uera cordis humilitate tamquam redditurus Domino rationem; et quod fecerit, semper in arbitrio pendeat abbatis. Nihil de sua temeritate praesumat... (Заведование же всем имуществом монастыря пусть примут препозиты, и даже если кто-либо из несчастных обратится к аббату ради [получения] чего-либо из еды или какой другой причине, сам препозит это и обеспечит, и пусть препозит со всем усердием заботится о том, чтобы у аббата не было никакой работы, кроме той, о которой мы сказали выше <...> О том, что ежемесячно будет тратиться, пусть препозит в начале каждого месяца дает отчет своему аббату, да с таким трепетом, честностью и истинным смирением сердца, как будто должен будет предоставить отчет самому Господу. И что он сделает, зависит от воли аббата. Пусть ничего по своему произволу не предпринимает...) [10. Р. 191–192].

### Сокращения

RI – Regula Isidori;  
RF – Regula Fructuosi;  
RComm – Regula Communis;  
Conc. Tol. – Concilium Toletanum.

### Список источников

1. Constable J. The Authority of Superiors in Religious Communities // La notion d'autorité au Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident. Colloques internationaux de la Napoule (23–26 octobre 1978) / ed. G. Maksidi, D. Sourdell, J. Sourdell-Thomine. Paris, 1982. P. 189–210.
2. Bishko Ch.J. The Pactual Tradition in Hispanic Monasticism. London : Variorum Reprints, 1984. P. 1–43.
3. Díaz y Díaz M.C. La vie monastique d'après les écrivains wisigothiques (VIIe siècle) // Theologie de la vie monastique (Theologie 49). Paris, 1961 (= Díaz y Díaz M.C. Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles. London : Variorum reprints, 1992).
4. Díaz Martínez P. Visigothic Monasticism. Written Sources and Everyday Life // La vie quotidienne des moines en Orient et en Occident (IVe–Xe siècle). Vol. I. / Ed. O. Delouis, M. Mossakowska-Gaubert. Caire, 2019. P. 337–355.
5. González T. La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe // Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. Vol. 1. P. 401–748.
6. Salisbury J.E. Iberian Popular Religion 600 B.C. to 700 A.D. Celts, Romans and Visigoths. New York, 1985.
7. Orlandis J. Estudios sobre las instituciones monásticas medievales. Pamplona, 1971.
8. Linage Conde A. La autoridad en el monacato visigótico // Ligarzas. 1975. Vol. 7. P. 5–24.
9. Díaz Martínez P. Formas económicas y sociales en el monacato visigodo. Salamanca, 1987.
10. San Leandro, San Isidoro, San Fructuoso. Reglas monásticas de la España visigoda. Los tres libros de las “Sentencias” / introducciones, versión y notas de J. Campos Ruiz, I. Roca Melia // Biblioteca de autores cristianos. Madrid, 1971.
11. Vives J., Marin Martínez T., Martínez Díez G. (eds.) Concilios visigóticos y hispano-romanos. Barcelona; Madrid, 1963.
12. Barata Dias P. L'idéal monastique, les moines et les monastères du monde wisigothique selon Isidore de Séville // Antiquité Tardive. 2015. Vol. 23. P. 143–154.
13. Mater Hispania: Христианство в Испании в I тысячелетии н.э. / сост. А. Кордочкин. СПб., 2018.
14. Маре́й Е.С. Энциклопедист, богослов, юрист. Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.
15. Díaz y Díaz M.C. La tradición de la “Regula Isidori” // Studia monastica. V. Montserrat, 1963. P. 27–57 (= Díaz y Díaz M.C. Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles. London : Variorum reprints, 1992).
16. Antolin P.G. Catálogo de los códices latinos de la Real Biblioteca del Escorial. Vol. 1. Madrid, 1910.
17. Velázquez Soriano I. Reflexiones en torno a la formación de un Corpus Regularum de época visigoda // Antigüedad cristiana (Murcia). XXIII. 2006. P. 531–567.
18. Cantera Montenegro C., Rodríguez de la Peña A. Conciencia hispana y tradición monástica en la *Vita Fructuosi* // Cuadernos de estudios gallegos. LIV (120). P. 71–102.
19. Díaz Martínez P. Social Plurality and Monastic Diversity in Late Antique Hispania (VI to VIII century) // The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West. Vol. 1: Origins to the Eleventh Century / ed. A.I. Beach, I. Cochelin. Cambridge, 2020. P. 195–212.

### References

1. Constable, J. (1982) The Authority of Superiors in Religious Communities. In: Maksidi, G., Sourdell, D. & Sourdell-Thomine, J. (eds) *La notion d'autorité au Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident*. Colloques internationaux de la Napoule. 23–26 octobre 1978. Paris. pp. 189–210.
2. Bishko, Ch.J. (1984) *The Pactual Tradition in Hispanic Monasticism*. London: Variorum Reprints. pp. 1–43.

3. Díaz y Díaz, M.C. (1961) La vie monastique d'après les écrivains wisigothiques (VIIe siècle). In: *Theologie de la vie monastique (Theologie 49)*. Paris. (= Díaz y Díaz, M.C. (1992) *Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles*. London: Variorum reprints).
4. Díaz Martínez, P. (2019) Visigothic Monasticism. Written Sources and Everyday Life. In: Delouis, O. & Mossakowska-Gaubert, M. (eds) *La vie quotidienne des moines en Orient et en Occident (IVe–Xe siècle)*. Vol. I. Caire, pp. 337–355.
5. González, T. (1979) La iglesia desde la conversión de Reccared hasta la invasión árabe. In: Villoslada, R.G. (ed.) *Historia de la Iglesia en España*. Vol. 1. Madrid. pp. 401–748.
6. Salisbury, J.E. (1985) *Iberian Popular Religion 600 B.C. to 700 A.D. Celts, Romans and Visigoths*. New York.
7. Orlandis, J. (1971) *Estudios sobre las instituciones monásticas medievales*. Pamplona.
8. Linage Conde, A. (1975) La autoridad en el monacato visigótico. *Ligarzas*. 7. pp. 5–24.
9. Díaz Martínez, P. (1987) *Formas económicas y sociales en el monacato visigodo*. Salamanca.
10. Campos Ruiz, J. & Roca Melia, I. (eds) (1971) *San Leandro, San Isidoro, San Fructuoso. Reglas monásticas de la España visigoda. Los tres libros de las "Sentencias"*. Biblioteca de autores cristianos. Madrid: La Editorial Católica.
11. Vives, J., Marin Martínez, T. & Martínez Díez, G. (eds) (1963) *Concilios visigóticos y hispano-romanos*. Barcelona; Madrid.
12. Barata Dias, P. (2015) L'idéal monastique, les moines et les monastères du monde wisigothique selon Isidore de Séville. *Antiquité Tardive*. 23. pp. 143–154.
13. Kordochkin, A. (ed.) (2018) *Mater Hispania: Khristianstvo v Ispanii v I tysyacheletii n.e.* [Mater Hispania: Christianity in Spain in the 1st millennium CE]. Sankt-Peterburg.
14. Marey, E.S. (2014) *Entsiklopedist, bogoslov, yurist. Isidor Sevil'skii i ego predstavleniya o prave i pravosudii* [Encyclopedist, Theologian, Jurist. Isidore of Seville and his ideas about law and justice]. Moscow.
15. Díaz y Díaz, M.C. (1963) La tradición de la "Regula Isidori". *Studia monastica*. V. Montserrat. pp. 27–57 (= Díaz y Díaz, M.C. (1992) *Vie chrétienne et culture dans l'Espagne du VIIe au Xe siècles*. London: Variorum reprints).
16. Antolín, P.G. (1910) *Catálogo de los códices latinos de la Real Biblioteca del Escorial*. Vol. 1. Madrid.
17. Velázquez Soriano, I. (2006) Reflexiones en torno a la formación de un Corpus Regularum de época visigoda. *Antigüedad cristiana* (Murcia). XXIII. pp. 531–567.
18. Cantera Montenegro, C. & Rodríguez de la Peña, A. (n.d.) Conciencia hispana y tradición monástica en la Vita Fructuosi. *Cuadernos de estudios gallegos*. LIV (120). pp. 71–102.
19. Díaz Martínez, P. (2020) Social Plurality and Monastic Diversity in Late Antique Hispania (VI to VIII century). In: Beach, A.I. & Cochelin, I. (eds) *The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West*. Vol. 1: Origins to the Eleventh Century. Cambridge. pp. 195–212.

#### Информация об авторе:

**Марей Е.С.** – канд. ист. наук, приглашенный сотрудник Лаборатории исследования церковных институций Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия); доцент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: elena.fontis@gmail.com

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.*

#### Information about the author:

**E.S. Marey**, Cand. Sci. (History), visiting researcher, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena.fontis@gmail.com

*The author declares no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 25.09.2024;  
одобрена после рецензирования 16.11.2024; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 25.09.2024;  
approved after reviewing 16.11.2024; accepted for publication 31.03.2025.